

тенденциозного, соединяющего документальность с поэтичностью, которая, однако, в сознании автора и читателя не отделима от историчности.

Вскрывая способы использования устно-поэтического материала в различных видах исторического повествования древней Руси для полного и всестороннего решения проблемы отношения древнерусской исторической литературы к фольклору, необходимо произвести и подробный анализ ее художественных средств в сравнении с приемами изобразительности, организующими изложение в произведениях устной поэзии.

Сложность такого рода анализа объясняется тем, что подлежащий сопоставлению с языком литературных памятников язык устной поэзии как система художественно-изобразительных средств только начинает изучаться. Вот почему до сих пор общим методологическим недостатком всех литературоведческих заключений о „фольклорных“ элементах в языке древнерусских литературных произведений является то, что литературные тексты механически сопоставляются с той формой устной поэзии, какую она имела после XVII века. А если учесть, что XVII и XVIII века представлены очень ограниченным числом записей фольклора, то окажется, что материал для сравнения извлекался главным образом из записей XIX—XX веков.

Задача истории русского языка — установить, как на основе лексического богатства живого языка, его синтаксических отношений, на основе смысловой и эмоциональной выразительности языка в целом создаются своеобразные художественные средства, которые становятся органическими элементами устного поэтического языка. Лишь определив смысл и функцию таких устно-поэтических художественных средств в каждом фольклорном жанре, мы получим надежный материал для выделения и в литературном языке перенесенных в него именно из устной поэзии характерных и ею выработанных стилистических „приемов“.

А. П. Евгеньева,¹ исследуя в широком историческом плане язык устной поэзии, по его отношению к языку в целом, к древнерусскому и современному литературному языку, вскрывает всю ошибочность традиционного смешения явлений языковых с изобразительно-художественными средствами устной или письменной литературы.

Выводы этих исследований А. П. Евгеньевой заставляют с большой осторожностью заносить те или иные стилистические приемы древнерусских литературных памятников в разряд „устно-поэтических“, т. е. воспринятых в готовом виде из устной поэзии. Те заключения, к которым привел анализ нескольких характерных явлений русского языка, убеждают нас, что выработанные устной поэзией на основе этих явлений художественные средства нашли верное отражение и в языке лучших передовых памятников древнерусской исторической литературы. Тем самым подтверждается органическое родство этой литературы с творчеством трудового народа, родство идейное и художественное.

С этим выводом вполне согласуются и наблюдения над применением метафорически-символической системы устной поэзии в идейно близких к народному творчеству памятниках исторической литературы. Уже

¹ А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (Постоянный эпитет). Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 154—189; А. П. Евгеньева. Язык русской устной поэзии. Синонимия; там же, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 159—211.